

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4628659>

Рецепт счастья

Направленность: Гет

Автор: [mutedweather](#)

Переводчик: [ManyaChka \(https://ficbook.net/authors/18683\)](https://ficbook.net/authors/18683)

Оригинальный текст: <https://www.fanfiction.net/s/11567672/1/Nonce-Prescription>

Фэндом: Gintama

Пейринг или персонажи: Гинтоки/Цукуё

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Юмор, Пропущенная сцена

Размер: Мини, 11 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Вариация на тему «Что привело Гинтоки в Ёшивару в ночь перед началом арки Айзен-ко»

Посвящение:

Всем, кто так же отчаянно ждал дня выхода OVA

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Автор — большой молодец, а вот переводчик очень спешил ко дню X, посему встречайте кучу кривых словестных оборотов и опечаток. И всё-таки надеюсь, что эти недочёты не убьют обаяние оригинала >.<”

А ещё у автора отмечен рейтинг NC-17, но поскольку его как-то не за что присуждать (за то, что Гинтоки узнал о существовании груди Цукки? За финальную сцену, которая описывает события манги??), то я ушла в самоволку, поставив R.

Немного прекрасного от чудесного художника Антислой, навеянного сценой из фанфика — <https://pp.vk.me/c636731/v636731674/20f1c/RmbITtunU-s.jpg>

Другие работы моего авторства по ГинЦу — <https://ficbook.net/collections/9499065>

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Примечание к части Перед вами — зарисовка по ГинЦу, замышлявшаяся маленькой и аккуратной, но вышедшая из-под контроля и разросшаяся до угрожающих размеров. А ведь изначально предполагался драббл длиной около 1000 слов с рейтингом никак не выше G. И вот что мы имеем в итоге: 11 страниц текста, сцены которого по временам косят глаз в сторону R. До чего доводит человека жизнь. Я не собиралась писать ничего особенно романтического и очень старалась сохранить характер Гинтоки близким к оригиналу, но споткнулась где-то на полпути, так что уже и не важно.

Часть 1

Позёвывая, Гинтоки лениво влачил ноги, обутые в чёрные сапоги с высоким голенищем, по лестничному пролёту. Старые деревянные ступени сопровождали каждый шаг ворчливым поскрипыванием. Он по привычке спрятал левую руку в складках ткани, образованных над поясом, отчего пустой рукав белого кимоно легко колыхался в такт ходьбе.

Он шёл по Кабуки-чо, оставляя позади бар Отосэ и расположившийся над ним офис Ёродзуи, наблюдая, как вспыхивают огни уличных фонарей. Скользящий по коже вечерний ветерок запутался в серебристых волосах, принесся с собой приятную прохладу.

«Нет смысла тащиться в Ёшивару только из-за выпивки», — недовольно буркнул внутренний голос, опровергая промелькнувшую идею разумным контраргументом. Разумным в большей степени, чем спорным.

«Может, просто зайти к старой карге? Чем не вариант?» — прежде, чем свернуть с улицы, он остановился, чтобы как следует всё обдумать. Не прошло и секунды, как мужчина возобновил движение.

«Пфф, ну уж нет».

Это был один из тех нудных диалогов с самим собой, чьё навязчивое копошение всегда начиналось одинаково: со спонтанного желания. За ним — бесплодные рассуждения и слишком категоричные споры на пустом месте. Именно в таком порядке. Ну а под конец он просто осуществлял то импульсивное решение, что первым пришло на ум. Но сегодня хотелось послать всё к чёрту и разом промотать мысленные дебаты.

Тёмное полотно ночи с прощальными оранжевыми отсветами заходящего солнца медленно обволакивало небо. Гинтоки неторопливо переступал по выложенному плиткой тротуару, пока его сонный взгляд бесцельно скользил по оживлённым лицам, мелькавшим в кипучей людской суете. Гулкий шум и хаотичное движение нарастали с каждым шагом, приближавшим самурая к центру города. Яркие неоновые вывески завлекали прохожих буйством красок. За стеклянной витриной магазина электроники выстроилась шеренга из телевизоров, беззвучно транслировавших интервью с Оцу. Беспokoйные толпы сновали по торговому кварталу: кто вальяжно и беззаботно, а кто суматошно и второпях. Слуха достигали обрывки разговоров, случайные фразы, произнесённые случайными людьми, тут же пропадавшими из поля зрения. Транспортные потоки осветили дорогу колыханием огней, проплывавших меж пешеходных дорожек. Вот он — Кабуки-чо во всей красе.

«А-а, но выпивка здесь куда дороже».

«Хотя какая разница? Разве я не могу просадить всю наличку, осевшую в кармане? Спасибо тебе, утренняя работёнка на животноводческой ферме. Ха-ха-ха».

Он привык считать, что неопытность и нерешительность есть удел малышни из средней школы. Все знают, что именно в этом возрасте в мальчишках начинают бурлить гормоны, оказывающие влияние на работу сердца и всего организма. Гинтоки не мог с уверенностью сказать, в каком телешоу услышал эту умную мысль, зато наверняка знал другое: позволить эмоциям взять верх и бросаться на их зов, очертя голову, — всё равно, что влезть в шкуру ученика средней школы. Жалкое зрелище.

«Я не видел её несколько месяцев».

Ноги принесли его к магазину игрушек, за стеклом которого красовались миниатюрные модели космических кораблей и различных приспособлений, необходимых для покорения звёздных пространств. Притормозив, он бросил не слишком заинтересованный взгляд на межгалактическое судно, собранное из огромного числа деталей, закреплённое на стенде. Большие, толстые линии, проведённые голубым маркером по белой картонной вывеске, привязанной к верхним углам витрины, истошно вопили: «СКИДКА 20%».

— Точно, я не видел Тацуму уже пару месяцев, — пробормотал мужчина, будто пытаюсь зачеркнуть ошибочно промелькнувшую мысль и написать поверх неё правильный вариант ответа. Его поведение, выражение лица и речь ничем не выдавали эмоций, кипевших внутри.

Он отвернулся от витрины и пошёл прочь.

«Должно быть, он ждёт подходящего случая свалиться с небес на землю. Идиот».

Но внутренний голос продолжал упорствовать, отговаривая от дурной затеи: «Я абсолютно уверен, что нет никаких причин идти в Ёшивару».

— Да что тут такого? — громко спросил Гинтоки, словно кто-то ожидал от него ответа. На деле никто и не услышал восклицания, и голос самурая потонул в бурлящем потоке городской жизни. — Нет ничего странного в том, что я решил туда пойти.

Гинтоки никогда не искал особого повода поступать так, как хотел.

— Если ему понадобилось что-то сделать, он пойдёт и сделает это, — так однажды сказал Зура. Они сидели в баре Отосэ в канун Рождества, где небольшая компания завсегдаев Кабуки-чо вспоминала прошедший год за звоном кружек пива и праздничными закусками.

— Он прямолинеен и честен перед собой и людьми. И хотя его нахальство не знает границ, я надеюсь провести ещё один прекрасный год вместе с таким другом как он, —

гордо заключил Зура, кинув взгляд на пьяного Гинтоки, выслушивавшего крики Отосэ, отчитывавшей его за буйное поведение.

Вообще-то у Гинтоки остались довольно смутные воспоминания о том вечере. Празднование торжества благополучно позабылось, гости разделились на группы по интересам, а речь Зуры совсем никого не интересовала. Саката погряз в шумных склоках со старухой, отпуская грубые шуточки о качестве сётю*, которым «ведьма травила посетителей». С громким стуком он опустил пустой стакан на отполированную деревянную столешницу. Сидевшая рядом не менее пьяная Цукуё рассмеялась безо всякого на то повода.

Он помнил, как мгновением позже её тонкие пальцы с силой впились ему в плечи, и она принялась неистово трясти его из стороны в сторону. Цукуё обвиняла его в том, что он пару раз втихомолку прикладывался к её бутылке. С открытым ртом и беспомощно болтавшейся головой он напоминавшей крутящую башкой какеша*. Некоторые из рывков рассерженной девушки выходили сильнее других, и тогда его лицо оказывалось слишком близко к ней. В её дыхании сплелись алкогольные пары и горечь табака. Сознание ушло в туман, а взгляд случайно скользнул ниже, останавливаясь на большой, тяжело вздымавшейся груди.

Кровь застучала в висках, заструилась по венам, пробуждая напряжение и пульсацию в паху. Подогреваемое алкоголем желание приказывало схватить её грубо, целовать нежно, касаться всюду прямо здесь и сейчас. Он хотел чувствовать трепет и слабость, когда она покорно отдастся во власть его рук.

Но это равносильно самоубийству.

Не дожидаясь, пока близость станет желаннее жизни, он грубо оттолкнул её. Толчок вышел сильнее, чем предполагалось, из-за чего Гинтоки пошатнулся, по инерции заваливаясь назад. В отчаянной попытке удержать равновесие он рванулся вперёд, в результате чего приложился к холодному бетонному полу лицом.

— Чёртова женщина, — простонал Саката, усаживаясь за стойку, с осторожностью дотрагиваясь до разбитого носа.

— Да ведь ты сам меня и оттолкнул, — протянула девушка, тыкнув пальцем ему в грудь и непреднамеренно угадив в правый сосок. Канзаши в виде миниатюрных кунаев едва держались в растрепавшихся прядях светлых волос. — Ты во всём и виноват.

— Нет, это ты виновата! — завёлся мужчина. — Если бы ты не... если бы не... — его голос неожиданно утих, съехав в невнятное бормотание.

— Если бы я не что?

«Твоя огромная, огромная грудь. Я...»

— Чтооооо? — повторила она громче.

Их взгляды на мгновение встретились. Её огромные, огромные глаза цвета сирени, всегда такие холодные и колючие, сегодня подёрнутые дымкой, слегка покрасневшие — и всё равно холодные и колючие. Возбуждение вновь дало о себе знать.

— Заткнись! — Он постарался переключить внимание на что-то другое. — Ой, старуха! Ещё выпивки!

— Нечего требовать алкоголь, если только что насмеялся над его качеством! — раздражённо возразила Отосэ.

— Почему это я должна затыкаться? Сам заткнись! — Цукуё сняла сапоги и принялась забираться на барную стойку.

— Эй, дурная женщина! Прекрати! — Он вцепился в её лодыжку.

— Когда же вы оба угомонитесь?!

Это произошло несколько месяцев назад.

«То, что сказал Зура, не слишком вяжется с истиной, — признался мужчина самому себе. — Прямолинеен и честен перед собой и людьми, ха. Тама говорила, что я сложный человек с кучей внутренних противоречий».

Гинтоки знал, что Зура по-своему прав: он действительно видел Сакату таким. Их связывала дружба длиною в двадцать с лишним лет, общая радость и общая скорбь. Они могли понять друг друга без слов: в конечном итоге, есть вещи, которые так и должны оставаться невысказанными, не тревожа эгоистичного самолюбия мужчин.

Не раз и не два он отбрасывал любые сомнения и шёл напролом.

— А-а, я хочу в пачинко! Я сыграю в пачинко, чтобы привлечь удачу! — Так это чаще всего и бывало.

Впрочем, существовал и другой вариант:

— Мне нужен шоколад прямо сейчас, иначе я умру мучительной смертью от снижения сахара в крови! — И он притворялся, что падает в обморок прямо у входной двери, а Кагура равнодушно перешагивала через самурая, развалившегося на пороге.

Случалось, он повисал на руке у Шинпачи, пока тот занимался рутинными домашними делами.

— Купи мне клубничное парфе! Я верну тебе деньги, обещаю! И ещё пудинг! Пууудиинг!

Деньги. Недостаток средств был его вечной головной болью. Разве ему нужно что-то другое? Вот только однажды жизнь поведала самурая о тех потребностях, на которые он долго время не обращал внимания. И когда всё стало так сложно?

«Проклятье. Всё, чего я хочу — алкоголь».

— Может я смогу подцепить какую-нибудь красотку, и она составит мне компанию, ха-ха-ха.

Пауза.

— А может и нет. У меня есть деньги, но их не так уж и много.

«Есть ли шанс встретить её сегодня?»

Это простой, ничего не значащий вопрос, так? Отбросив пустые угрозы внутреннего голоса, не произнеся более ни слова, он пошёл в Ёшивару, прокручивая в голове эту мысль всё время пути.

В восемь двадцать он всё же решился зайти внутрь. Последние сорок минут Гинтоки потратил на бесцельное шатание от одного бара к другому, ни разу не переступив порога ни одного из питейных заведений. С каких пор он мешкает и колеблется из-за ерунды?

Он высматривал стражей Хьякка, охранявших Ёшивару, подспудно ожидая найти среди них Цукуё, вышедшую на вечерний патруль. По улице пронеслось несколько девушек в чёрных масках, словно что-то подгоняло их к действию. На первый взгляд ничто не выдавало чрезвычайной обстановки, и обитатели Ёшивары продолжали вести привычный образ жизни, однако накопленный за долгие годы боевой опыт его не обманул.

«Выследить и напасть, — лениво предположил Гинтоки. — Что-то тут неладно».

Время шло, Цукуё в поле зрения так и не попадалась, и самурай, пожав плечами, зашёл в небольшой бар на той же улице, где он заметил спешные перемещения членов Хьякка.

«Что бы здесь ни творилось, она наверняка страшно занята происходящим. Вот и отлично».

Висящий рядом с дверью красный фонарик приветливо мигнул посетителю. Не успел Гинтоки осмотреться, как на глаза попались две знакомые физиономии.

— А! — в один голос воскликнула троица, удивлённо переглядываясь меж собой.

Перед ним были Хасегава и Ямадзаки.

Первым побуждением Гинтоки стало желание развернуться и уйти, но, поразмыслив, он решил, что не так уж и плохо выпить в их компании. К тому же, они неплохо ладили с

Хасегавой. На мужчине был обычный костюм из укороченных коричневых брюк и распахнутой рубашки самуэ*, а Ямазаки вырядился в невзрачное бледно-голубое кимоно.

Он занял последнее свободное место за барной стойкой. Судя по всему, двое его знакомых приступили к ужину совсем недавно.

— А я-то думал, что вы на мели, Хасегава-сан.

— Ямадзаки угощает меня в качестве благодарности за сведения о парне, за которым он следил. Так получилось, что я пару раз встречал его... хмм... кое-где. Ты же знаешь, я часто кочую с места на место.

— Ха, значит, теперь ты осведомитель полиции. Почему меня не покидает чувство, что что-то обязательно пойдёт не так?

— Зато это оплачиваемая должность. И не говори так обречённо, пожалуйста.

— Правда? Что ж, рад за вас. Но разве это не ваша работа? — Гинтоки слегка приподнял бровь, обращая скупающий взгляд на Ямадзаки.

— Нам всегда нужны информаторы. — Ямадзаки с аппетитом жевал лапшу. — Недавно в нашем штабе потекла крыша. Мы чинили её две недели назад, но это не особенно помогло. Кругом суета, а большая часть наших агентов разведки заболела. Я круглыми сутками бегаю по поручениям начальства, не говоря уже о выполнении своих обычных обязанностей. — Он поднял на Гинтоки уставший взгляд. Под глазами мужчины красовались синяки от недосыпа, а в уголках губ маслянисто поблёскивали капли бульона. — Сегодня я взял выходной. Меня уже тошнит от анпанов.

Саката не упустил случая подрядиться на новую работу.

— Что за чёрт? Если вам надо починить крышу, то это задание как раз для Ёродзуи Гин-чана! За разумную плату мы готовы её залатать. Если надо прийти к девяти утра, мы будем на месте в восемь тридцать. Мы отремонтируем её за день! Что скажешь?

— Думаю, это неплохая мысль. — Кивнул Ямадзаки. — Я поговорю с шефом, когда вернусь в штаб.

Настроение Гинтоки моментально поползло вверх. Это огромная удача — вот так сразу получить новый заказ.

«Я наконец-то смогу полностью оплатить чёртову ренту, а мелюзга перестанет пилить меня днями напролёт».

Он заказал еду и сакэ, рассчитывая хорошо провести вечер в приятной компании. За первым глотком спиртного последовал второй, третий, четвёртый...

Время летело незаметно. В какой-то момент разговор зашёл о знаменитостях, актрисах и певицах. Гинтоки открыто заявил, что единственная женщина, достойная его

любви — Кецуно Ана. Впрочем, несмотря на шумные признания, он прекрасно знал, что все восторги и восхищения ведущей прогноза погоды не более чем фанатское обожание. Он часто высмеивал идолопоклонничество Шинпачи перед Оцу, хотя и сам ходил по тем же граблям.

— Кецуно Ана — единственная девушка в моём сердце! — провозгласил Гинтоки, хотя никто не требовал от него признаний.

— Всё ещё сходишь по ней с ума? — спросил Хасегава.

— Заткнись! Я преданный фанат!

— Мне больше нравится Иноуэ Нао*, — признался Ямадзаки после минутного раздумья. — Она прекрасно играет в дораме, которая идёт по Эдо-TV.

— Кецуно Ана лучше! — рявкнул Гинтоки. Он не собирался так просто отступить.

Кецуно Ана в два счёта справится со злыми духами. У неё доброжелательный нрав, мягкий, ласковый голос, и она наверняка станет прекрасной женой.

«Не то что одна жестокая, вечно унылая и жутко упрямая женщина», — стоило только подумать, как в мыслях мгновенно ожило лицо Цукуё.

«Нет», — тут же возразил внутренний голос. Он вспомнил, как самоотверженно она бросалась ему на помощь, тревожась за его жизнь; как в минуты слабости с благодарностью улыбнулась, когда он совершенно искренне сказал, что ей нечего стыдиться, что она — женщина с прекрасным лицом и чистой душой. Его захлестнула волна чувств.

«Она действительно необыкновенная».

— Всё это хорошо, — сказал Ямадзаки, — но когда дело доходит до выбора супруги, обычные люди редко женятся на знаменитостях, разве нет?

Замечание резко выдернуло Сакату из блуждания по собственным мыслям.

Женитьба. Ха-ха-ха.

— Ты о чём, чёрт возьми?! — прокричал Гинтоки. — Что ты можешь ей предложить? Хааа?

Всё равно, что целиться заряженным ружьём себе в ногу.

— Что ты можешь предложить хоть кому-то?

Его слова немного задела Ямадзаки.

— Думаю, вы правы, — неуверенно ответил мужчина. — У настоящей звезды есть всё,

что она хочет. Простой мужчина ничего ей не даст.

— Ты прав, абсолютно прав! — Сочувственно закивал Гинтоки. Его щёки покраснели из-за алкоголя. Пожалуй, он выпил лишнего и довольно много. — Ты понял мою мысль!

— И всё-таки моё сердце принадлежит Таме-сан! — пылко добавил Ямадзаки, быстро оправившись от нападков Сакаты. — Что бы вы ни говорили, я сделаю её счастливой!

— Да ты хоть знаешь, что делает Таму счастливой? Ей нравятся машинное масло и винты марки Phillips.

— Почему вы говорите такую чепуху?

— Потому что это правда. И я обязательно передам Таме, что ты шляешься по Ёшиваре.

— Я здесь ради встречи со своим информатором!

— Мы всё ещё говорим о браке с богатой и успешной женщиной, так? — спросил Хасегава, стараясь вернуть разговор в прежнее русло. — Это всё равно, что жениться на мешке денег.

— Хасегава-сан, вы большой знаток этой темы. — Гинтоки положил ладонь на плечо мужчины. — Но вы уверены, что хотите вспоминать депрессивные факты из своей биографии прямо сейчас?

— Вообще-то я...

Но тут Ямадзаки разразился неожиданно бурной реакцией на предыдущее высказывание Хасегавы.

— Я не могу жить за счёт женщины! — Его голос дребезжал от сильных эмоций. — Я не хочу быть химо*! Как я могу с этим смириться?

— Всё не так плохо, если ты тоже будешь много работать, — сказал Хасегава. — Я имею в виду, если ты ей действительно нравишься, всё образуется, так?

Его слова отозвались в ушах гулким эхом. Нет, не о том, чтобы «много работать».

«Если ты ей действительно нравишься?»

Ну хорошо, про «много работать» тоже.

— Такое ведь случается, правда? Самопожертвование и прочие старомодные доказательства любви не просто сказки для детей, верно? Хотя счастливый конец вечно обходит меня стороной...

Эта фраза обрушилась на голову Гинтоки подобно тяжелой наковальне, вонзилась

в грудь свистящей пулей, прошедшей навывлет. Он медленно отвернулся от собеседников.

«Я никогда не получу то, что хочу», — мрачные мысли всецело заволокли проблеск надежды.

— Тебе понадобится самое сильнодействующее любовное зелье, чтобы приворожить Иноуэ Нао или кого-то ещё, заставив признаться в чувствах к тебе.

— Я же говорил, что для меня существует только Тама-сан! — решительно повторил Ямадзаки.

— Это просто предположение, как бы всё могло произойти. Впрочем, тебе вряд ли потребуются специальные препараты, чтобы признаться в любви Таме.

— Конечно, не потребуются! Тем более, Окита-сан уже всё за меня сказал! Я бы хотел знать, что она испытывает ко мне, но...

«Любовное зелье? Это ещё что за хрень? Завалите меня сладостями днём, залейте алкоголем ночью. Простой человек работает лишь для того, чтобы обеспечить себя и свою маленькую семью, к которой прилагается чертовски большая зверюга с чёрной дырой вместо желудка. С такой жизнью только и остаётся, что философствовать».

Гинтоки налил в пиалу ещё сакэ. Поднеся её к губам, он запрокинул голову назад и залпом осушил содержимое. Во рту разлилась пьянящая сладость, то обжигая, то покалывая прохладой.

Если бы в мире существовало средство, действующее на человека сильнее крепкого алкоголя, тогда, возможно, вместо безудержных и агрессивных избиений, к которым она прибегала всякий раз, стоило ей захмелеть, Цукуё ответила на его ласки с теми же жадностью и страстью, что обуревали его самого. Возможно, если бы кто-то выписал ему этот рецепт счастья, он бы набрался смелости и был честным с ней, признавшись, как сильно хочет, чтобы она принадлежала ему одному. Он бы сказал, что не знает, потому ли так отчаянно желает её, что постоянно думает о ней, или постоянно думает о ней потому, что так отчаянно желает. Если бы такое средство и правда существовало, возможно, он смог получить от неё ответное признание в любви.

Но это бессмысленно.

Ведь он ничего не может ей дать. Даже единственного обещания остаться с ней здесь и сейчас, даже надежды всегда быть вместе.

«Ты не встретишь её этим вечером. Пока ты сидишь в этом баре...»

«Я здесь из-за выпивки! Выпивки!» — Он наполнил пиалу и резким движением опрокинул в себя горячий напиток.

Он ведь собирался веселиться, и сердце горело решимостью осуществить намерение. Хотя существовала вероятность, что этот поджог инициировал алкоголь. Но что бы там

ни было, он отказывался углубляться в тупиковые размышления.

«А-а, как же раздражает, но я уже зашёл так далеко. Нет ничего бесполезнее, чем барахтаться в болоте жалости к себе. Завтра придётся разгрести последствия».

Он хотел хорошо провести время. Хотел встретиться с ней. Он вовсе не собирался врезаться лицом в жёсткую поверхность барной стойки. Последние силы оставляли его, он обмяк, уткнувшись носом в столешницу и положив лоб на согнутую руку, проведя в таком положении следующие полчаса.

«Я буду счастлив. Очень счастлив. Я и сейчас совершенно счастлив».

— Похоже, он надрался в хлам, — прозвучал где-то рядом голос Ямадзаки.

— А ты? — спросил Хасегава.

— Я совершенно трезв. Мне нужно вернуться в штаб. Если я заявлюсь пьяным, замком потребует, чтобы я тут же совершил сэппуку.

Они разошлись в десять тридцать. Выйдя из бара, Гинтоки почувствовал, что его раздрает изнутри.

«Твою мать. Дерьмо. Так же дерьмово, как наложить кучу поверх другого дерьма. Проклятье, до чего же херово».

Он не успел пройти и двадцати шагов, как к горлу подкатил острый приступ тошноты.

«Чёрт, да ведь я же сейчас...»

Желудок распрощался с содержимым раньше, чем он успел завершить мысль.

Рвота. Рвота повсюду.

Он поднялся с колен, опираясь на телефонный столб. Вытерев рот рукавом, Гинтоки осознал, что физиологические потребности организма этим не исчерпались.

«Мне нужно отлить».

Улицы притихли, а прохладное дуновение ветра бодрило, освежая покрытую потом кожу. Куртизанки прогуливались в компании богато разодетых мужчин с венчавшими голову тёнмагэ*, оставляя за собой стойкое облако из резких запахов духов. Поморщившись от навязчивых ароматов, Гинтоки огляделся в поисках туалета и, обнаружив один поблизости, нетвёрдой походкой устремился на зов природы.

Уборная примостилась у лестницы, ведущей внутрь здания. Обычному человеку было

бы сложно её не заметить, однако будучи не совсем трезвым Гинтоки с лёгкостью допустил очевидную ошибку.

Взбираясь вверх по ступеням всё выше и выше, он задавался вопросом, что за кретин додумался поместить сортир на крыше дома. Продолжая подъём, он начал воображать, какой может оказаться кабинка: а что если она размещена на вращающейся платформе, возвышающейся над городом?

Когда же он достиг пункта назначения и открыл дверь, ведущую на последний этаж, то осознал жестокий обман. Перед ним раскинулась обширная панорамная площадка, открывавшая изумительная вид на города. Ничто не выдавало близкого присутствия уборной, а меж тем терпение окончательно иссякло.

«Кому какое дело, если я орошу Ёшивару священным дождём! Нечего прятать туалет от честного человека!»

Мощная струя хлынула вниз с напором воды, бившей из садового шланга.

И тут Гинтоки услышал оглушительные визги и крики, доносившиеся с улицы. Он заметил витиеватый клубок розового дыма, поднимавшийся с земли, подплывавший к нему ближе и ближе.

«Это ещё что? Кто-то разводит костёр?»

Он не был уверен на все сто, однако ему показалось, что внизу собралась целая толпа темноволосых женщин в чёрных масках и разноцветных кимоно.

«Глядите, здесь девушки! Они ведь девушки, так?»

— Уууиии! Пенисопожаротушение завершено! Решили поиграть с огнём, да? Какие плооохиине девочки!

Ему ответила гробовая тишина.

Он крепко зажмурился и вновь открыл глаза, стараясь разглядеть со своего наблюдательного поста, что же творится внизу. Впереди всех стояла женщина со светло-золотистыми волосами. Прищурившись, он ошеломлённо моргнул. Сознание медленно возвращалось из прогулки по небытию.

«Она смотрит сюда. Прямо на мои шары и шланг, выставленные напоказ».

— А-а-а... А вы разве не...

«Мой шланг прорвало у неё на глазах, а она стояла рядом, пока из него текло, как из открытого крана».

В помутневшем от обильных возлияний мозгу неохотно выстраивалась картинка произошедших событий. Когда же Гинтоки понял, что, стоя на крыше здания, помочился

перед толпой женщин, то подумал, что будет не лишним спрятать своё мужское достоинство от посторонних глаз за ширинкой штанов. И как можно скорее, пока оно у него ещё есть. Однако скорость мысли намного опережала его ленивые и плохо скоординированные движения, слабо помогая осуществить задуманное.

— Чем ты в нас тычешь, чёртов извращенец! — Тишину нарушил хорошо знакомый голос.

Он не увидел, как Цукуё метнула в него кунай. Вечерняя мгла скрыла оружие, приблизившееся совершенно бесшумно, и лишь в последнюю секунду Гинтоки заметил его кровавый блеск.

— У-у-ух, — простонал мужчина, когда невыносимо острая боль поразила тело.

Но какое ему дело до кунаев? Он с лёгкостью выстоит под их градом, когда бы он ни обрушился на него. Он встретил её этим вечером, и это всё, что по-настоящему имело значение.

Сётю — алкогольный напиток, чья крепость составляет примерно 25 градусов.

Какеши — деревянная кукла. Среди существующих 11 типов есть так называемая «плачущая какеши» с поворачивающейся головой, издающая звуки, напоминающие всхлипы.

Химо — мужчина, зависимый от женщины в финансовом плане, жиголо.

Иноуэ Нао — выдуманный персонаж, пародия на известную японскую актрису Иноуэ Мао.

Самуэ — традиционная японская одежда, подходящая для ношения в повседневной жизни. В неё облачались буддийские монахи, занимавшиеся физическим трудом. Не так давно я просматривала комплект одежды на японском amazon для косплея Хасегавы Тайзо, и встретила в описании фразу, что рубашка сшита по типу самуэ. Так что я просто позаимствовала это определение.

Тёнмагэ — причёска с выбритым лбом и пучком волос на затылке.